

Иммануил Валлерстайн

ПОМИНАЯ АНДРЕ ГУНДЕРА ФРАНКА С МЫСЛЯМИ О БУДУЩЕМ¹

Долгий путь Андре Гундера Франка как критического социолога отмечен одной неизменной константой. Он всегда был сторонником левых взглядов и всегда оценивал меняющуюся ситуацию в мире как левый ученый-активист. И мне кажется, что лучшее, что я могу сделать в память о нем, — это сделать то же самое. Отец Гундера, выдающийся писатель Леонард Франк, написал в конце своей жизни роман, в основу которого была положена его собственная жизнь. Он назывался *Links, wo das Herz ist* («Мое сердце слева»). Это было бы, пожалуй, наиболее подходящим названием для так никогда и не написанной автобиографии самого Гундера².

Разрабатывать левые программы всегда непросто. С одной стороны, они должны строиться в трех временных перспективах, которые я называю долгосрочной, среднесрочной и краткосрочной. Во многих дискуссиях левых о стратегиях эти три перспективы постоянно смешиваются, всегда вызывая споры и разногласия. Я попытаюсь говорить обо всех трех перспективах, при этом разделяя их. Но говоря о следующей четверти века, я буду иметь в виду среднесрочную перспективу, которая, на мой взгляд, является важнейшим периодом, требующим разъяснения.

Чтобы стало понятнее, о чем идет речь, для начала нужно сказать несколько слов о миросистемном контексте, в рамках которого может быть построена такая программа. В своих недавних статьях и книгах я показал, что капиталистический мир-экономика, наша современная миросистема, пережи-

1 Immanuel Wallerstein, «Remembering Andre Gunder Frank While Thinking About the Future», *Monthly Review*, 2008, vol. 60, no. 2, p. 50–61.

2 Я говорю «так никогда и не написанной», несмотря на то что в Сети есть небольшая заметка под названием «Личное — это политическое. Автобиография», а в его «Сетевых статьях и других заметках» есть раздел под названием «Автобиографические эссе», в котором находится десять заметок. Но это нельзя назвать полноценной автобиографией.

вает системный кризис, который, как мне кажется, заметно отличается от повторяющихся спадов и застоев или процессов, делающих возможным появление новых гегемонистских держав³. То, что я называю системным кризисом, случается в жизни исторической системы лишь однажды. Это происходит тогда, когда существующие механизмы возвращения системы к некоему равновесию перестают работать, и система начинает отходить от равновесия, становясь «хаотичной». Под «хаосом» здесь понимается ситуация, при которой система переживает дикие, беспорядочные и болезненные флуктуации. В этот момент происходит «бифуркация» системы, после чего начинается острейшая борьба за то, по какому из двух альтернативных путей она двинется к новому системному порядку⁴. Исход такой борьбы совершенно непредсказуем. Или, иначе говоря, вероятность того, что в точке бифуркации система пойдет по одному или другому пути, одинакова. Таким образом, борьба ведется не за сохранение существующей капиталистической системы, так как выжить она не в состоянии, а за то, какая миросистема (или миросистемы) придут ей на смену. Я называю эту борьбу, по причинам, которые будут изложены ниже, борьбой между духом Давоса и духом Порту-Алегри.

Я полагаю, что мы уже переживаем этот системный кризис и что в ближайшие 25–50 лет тот или иной выбор будет сделан. Мы окажемся в некой другой системе, которая может быть лучше или хуже существующей. Этот исторический выбор будет иметь долгосрочные последствия. Речь идет о том, что «другой мир возможен», как гласит лозунг Всемирного социального форума (ВСФ). Долгосрочная перспектива описана во множестве различных утопий. Лично я полагаю, что обсуждать долгосрочную перспективу можно лишь в самых общих чертах. Я считаю лучшей миросистемой ту, которая является относительно демократичной и эгалитарной. Исторически ни одна система не была демократичной или эгалитарной в сколько-нибудь значительной степени. Система же, обладающая такими чертами, будет существенно отличаться от всех предшествующих исторических миросистем.

Не думаю, что о ней можно сказать что-то большее. И я не думаю, что мы можем заранее определить институциональные структуры, способные привести к более демократичному и более эгалитарному миру. Я не считаю это чем-то важным, потому что написание таких проектов почти не влияет на то, что появляется в конечном итоге на самом деле. Самое больше, что мы можем сделать, — это подтолкнуть движение в определенном и, на наш взгляд, полезном направлении.

3 См.: Immanuel Wallerstein, «The Global Possibilities, 1990–2025», in Terence K. Hopkins and Immanuel Wallerstein, coords., *The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945–2002* (London: Zed, 1997), 226–243; Иммануил Валлерстайн. *Миросистемный анализ: введение*. М.: Территория будущего, 2006, гл. 5.

4 Я вкладываю в эти термины то же значение, что и Илья Пригожин. См.: Пригожин И. *Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы*. Ижевск: ниц РХД, 2000.

Краткосрочная перспектива представляет большой интерес. Ведь все мы живем в краткосрочной перспективе. Каждого волнует, причем очень сильно, что произойдет в ближайшем будущем. Мы едим, одеваемся, работаем, спим, занимаемся любовью и выживаем в краткосрочной перспективе. Еще мы радуемся или грустим, обижаем других и обижаемся сами, развлекаем других и развлекаемся сами, делая все это в краткосрочной перспективе. Краткосрочная перспектива — это и есть то, что большинство людей считает жизнью. И для многих людей, возможно, даже для большинства краткосрочная перспектива не является чем-то политическим. Возможно, это ошибка восприятия тех, кто мыслит себя вне политики, поскольку на самом деле плюсы и минусы нашей жизни во многом определяются меняющимися политическими реалиями.

Для тех, кто участвует в обсуждении политической повестки дня, существует длинный перечень решений, которые нужно принять в краткосрочной перспективе, то есть в этом или — самое позднее — в следующем году. Голосовать или нет? И если да, то за кого или за какую партию? Подписать петицию, написать письмо или принять участие в демонстрации? Самим устроить забастовку или поддержать бастующих? Обсудить с соседями или с другими людьми наши политические взгляды или нет? Создать или нет организацию для решения того или иного вопроса? И если все же создать, то на местном уровне или на более широкой арене? Взяться или нет за оружие? Этот перечень можно продолжить. Он очень длинный. К тому же, споры о том, что нам следует или не следует делать в нашей повседневной жизни, вызывают нешуточные страсти. Мы склонны не только отстаивать собственные взгляды относительно определенных решений, но и зачастую осуждать тех, с кем мы не согласны, особенно если они тоже называют себя «левыми».

И все же нам не удастся избежать этих повседневных решений. Попытка воздержаться от этих решений — это само по себе решение. Волей-неволей политическая арена оказывается очень широкой, непрерывной и зачастую весьма неприятной. Некоторые из нас являются «активистами» — это слово само по себе показательно, так как оно указывает на свою противоположность. Но какую? Я полагаю, что оно противопоставляется «пассивности». Но активисты обычно составляют меньшинство населения. Подавляющее большинство как будто плывет по течению. Но эта картина может оказаться обманчивой. Представители пассивного большинства нередко озлоблены и угрюмы, и при определенных обстоятельствах они могут становиться весьма активными. И активисты рассчитывают на возможную вспышку народного недовольства, даже если опыт показывает, что такие вспышки, как правило, происходят неожиданно и обычно не являются результатом «подстрекательской» деятельности активистов.

И когда мы, активисты, начинаем вспоминать о решениях, принятых нами несколько лет назад, мы часто поражаемся тому, насколько глупыми они были. Последствия часто отличаются от того, что мы ожидали. Это льет воду на мельницу тех, кто выступал тогда за другие решения. В обвинениях нет недостатка. Тех, кто выступал за «реформистские» или «государственни-

ческие» решения, обвиняют в том, что они продались силам истеблишмента. А тех, кто отстаивал «радикальные» или «бунтарские» решения, объявляют «инфантильными левыми».

В этой склоке трезвый анализ обычно отходит на второй план. Мы редко проводим глубокий анализ того, почему определенные краткосрочные решения не привели к результатам, на которые мы рассчитывали. Тут я выскажу две идеи, которые, несомненно, будут не самыми популярными. Первая состоит в следующем. В краткосрочной перспективе мы не просто должны мириться с меньшим злом — у нас попросту нет иного выбора. Все без исключения выбирают меньшее зло. Мы спорим лишь о том, какой выбор является выбором меньшего зла.

И мы точно не хотим выбирать большее зло. Конечно, ответ на вопрос, что является меньшим злом в определенных обстоятельствах, зависит от этих обстоятельств. Нет никакого заранее подготовленного ответа. Часто за левоцентристов голосуют потому, что нужно проголосовать против правоцентристов. Иногда нужно поддержать «крайне левых», успех которых на выборах может принести плоды в самое ближайшее время. Иногда меньшее зло — это воздержаться от голосования вообще. Выбор меньшего зла всегда интуитивен и «реалистичен». Этот выбор меньшего зла в краткосрочной перспективе применим не только к голосованию, но и к забастовкам, демонстрациям и вооруженной борьбе. Поэтому если кто-то осуждает вас за выбор меньшего зла, знайте, что этот человек тоже выбирает меньшее зло, только его выбор отличается от вашего.

Вторая идея заключается в следующем. Ни одно движение со среднесрочной левой программой не может рассчитывать на необходимую широкую поддержку, если его защитники отказываются выбрать меньшее зло, которое отвечает потребностям и ожиданиям широких масс. Люди прежде всего живут в краткосрочной перспективе. И большинство людей имеют «реалистические» представления о том, что им нужно здесь и сейчас. Никакие среднесрочные обещания не привлекут симпатии большинства, если не будут учтены их насущные потребности. Кроме того, все мы должны открыто признать, что выбираем то, что считаем меньшим злом. Здесь нужно сказать вот еще что. Меньшее зло считается меньшим по вполне определенным причинам. И выбор его, хотя он и необходим в краткосрочной перспективе, никак не влияет на среднесрочные результаты. Мы не танцуем на улицах от того, что выбранное нами меньшее зло победило. Мы только вздыхаем с облегчением, но не более того.

Поэтому главной для левых должна быть среднесрочная перспектива, и мне кажется странным, что именно она исторически оказалась задвинутой на задний план в программных спорах левых. Действия в среднесрочной перспективе не вызывают такого воодушевления, как споры о долгосрочной перспективе, и внешне менее активны, чем действия в краткосрочной перспективе. Работа в среднесрочной перспективе предполагает сочетание непрерывной подготовительной деятельности (того, что называют «политическим образованием») и постоянного давления на сильных мира сего (того,

что называют «построением движений») с огромным терпением и настойчивостью в том, что касается плодов этих усилий. Известное изречение Грамши — «пессимизм духа, оптимизм воли» — прекрасно схватывает суть. Ведь оптимизм подталкивает нас к участию в том, что пессимизм называет сизифовым трудом (и иногда это действительно так). Как заметил Экбаль Ахмад, «пессимизм духа требует реализма в восприятии действительности, а оптимизм требует верности общему благу»⁵.

Правила, касающиеся среднесрочной перспективы, полностью противоположны правилам относительно краткосрочных действий. Если в краткосрочной перспективе нам приходится идти на компромиссы (многие из которых весьма сомнительны), то в среднесрочной перспективе мы должны быть совершенно бескомпромиссны. Мы должны отстаивать только то, что является важным с точки зрения преобразования системы, даже если это не принесет никакой непосредственной выгоды. Только будучи по-настоящему воинственными, мы сможем что-то изменить. Воинственность тоже требует реализма, но реализма совсем другого рода, чем выбор меньшего зла в краткосрочной перспективе.

Реализм в восприятии реальности предполагает интерпретацию истории (в частности прошлых усилий, направленных на преобразование мира) и интерпретацию влияния прошлой истории на социальную психологию широких масс вообще и активистов в частности. Мы пережили по крайней мере два столетия попыток преобразовать мир — либо путем того, что принято называть «революциями», либо путем голосования, позволяющего получить власть в государстве и осуществить преобразование при помощи законодательства. Нельзя сказать, что какая-то одна из этих стратегий была особенно успешной.

Бывали и (псевдо) революции, которые совершались движениями, объявлявшими себя либо «коммунистическими», либо «национально-освободительными», и которые мало что по сути меняли. А нереволуционным социал-демократическим движениям удавалось добиться немалых политических побед. Не то чтобы они особенно преуспели в преобразовании мира, но все же они добились кое-каких полезных вещей. И часто в краткосрочной перспективе они оказывались меньшим злом. Но мы больше не танцуем на улицах от таких побед. По крайней мере большинство из нас этого точно не делает. И сегодня, в XXI веке, число людей, верящих в эти стратегии XIX века, сравнительно невелико.

Поворотным моментом в моем восприятии работающих стратегий стала мировая революция 1968 года. Мне кажется, что революционеры — в панъевропейском мире, в бывшем социалистическом блоке и на Юге — с глубоким скептицизмом оценивали перспективы своих стратегий. Но они не отказывались от долгосрочных утопий. Скорее, они призывали по-новому взглянуть на среднесрочные стратегии.

5 Eqbal Ahmad, *Confronting Empire: Interviews with David Barsamian* (Cambridge, MA: South End Press, 2002), 152.

После 1968 года такие стратегии обсуждались многими и не по одному разу. Но в этих обсуждениях отсутствовало различие между тремя временными рамками, предложенными мной в качестве основы для ясного осмысления. Только с созданием в 2001 году ВСФ появилась структура, в рамках которой, возможно, будет выработана альтернативная среднесрочная стратегия.

ВСФ — очень необычная организация, если его вообще можно назвать организацией. Он называет себя «горизонтальной» структурой, а своим основным принципом — «открытую площадку». Термин «горизонтальный» используется в противопоставление «вертикальному». Идея состоит в том, что крупные национальные и международные организации XIX–XX веков были «вертикальными» иерархическими структурами, имеющими бюрократию и постоянных служащих, официальную политическую программу и членов. Организации могли различаться по степени дисциплины, которая преобладала в них, и по степени дозволенных в них коллективных дебатов, но все они были политическими организациями, действующими определенным образом на политической арене.

Эти вертикальные организации имели еще одну черту. Они требовали лояльности, которая брала верх над любой другой лояльностью и притязала на главенство на политической арене. Если существовали другие организации со своими программами (скажем, женские или молодежные организации, движение за мир), они признавались легитимными только в том случае, если входили в ее состав на правах подчиненных или специализированного подразделения. Господство таких общих вертикальных организаций означало, что их отношения с любыми другими организациями в той же географической области были возможны только в рамках временного тактического союза.

В отличие от этой формы организации, ВСФ, будучи горизонтальной структурой, построен как открытый форум. Таким образом, он представляет собой структуру без официальных лиц, без бюрократии, без публичного провозглашения политических позиций и с постоянными открытыми дебатами. В результате в нем может участвовать любой желающий. Ну, почти любой. ВСФ называет себя площадкой для всех, кто отвергает «неолиберальную глобализацию и империализм во всех его проявлениях». Он также исключает, по крайней мере в теории, политические партии и вооруженные движения. Эти уточнения, конечно, составляют определенную политическую позицию, но она очень свободная, и вследствие горизонтальной природы ВСФ практически любой человек может посещать его мероприятия.

Какие последствия имела такая структура? Первым следствием было ее воспроизведение на других уровнях. Сейчас проводится бесчисленное множество континентальных, региональных, национальных и локальных социальных форумов, а также так называемых тематических форумов. Эти другие форумы организуются своими силами и не нуждаются в одобрении международного ВСФ. Все они создаются как горизонтальные открытые площадки. И большинство из них, если не все, воспроизводит ту же организационную модель.

Вторым следствием было увеличение числа участников и лучшее географическое представительство на самом международном ВСФ. Первый ВСФ был преимущественно латиноамериканским и западноевропейским по своему составу, а количество участников составляло около десяти тысяч человек. Затем стали прибывать участники из Северной Америки, Южной и Восточной Азии и из Африки, а их общее число выросло до двухсот тысяч. Но географические лакуны все равно сохраняются — участников из Центральной и Восточной Европы, России и Китая не слишком много. Но круг постоянно расширяется.

Третьим следствием было непрестанное совершенствование способа организации ВСФ — организация секций снизу вверх (о чем уже было сказано), возрастание прозрачности того, как принимаются неизбежные организационные решения, и создание подходящих площадок для встреч и организации совместных действий «сетевых» организаций.

ВСФ выглядит довольно пестро — не столько из-за политических разногласий, сколько из-за предложений касательно стратегии. Кого-то поначалу раздражало горизонтальное устройство, а кто-то считал его недостаточно горизонтальным. Они говорили, что ВСФ должен перестать просто «болтать»; он должен начать действовать. И многие понимали под действием переход к вертикальности — четкой политической позиции и организации политических действий. Те, кто противился этим требованиям, говорили, что, как и во всех предыдущих «интернационалах», это неизбежно приведет к исключениям и принятию стратегии, которая, на их взгляд, доказала свою историческую несостоятельность.

Эти споры были долгими и острыми. Но, как кажется, начало складываться компромиссное решение — сохранить сам ВСФ открытым форумом, позволив отдельным сетям (которые занимали бы определенные политические позиции и организовывали бы политическую деятельность) действовать в его рамках. Не знаю, каким будет результат этих дебатов и будет ли ВСФ и дальше служить основной площадкой для деятельности левых в глобальном масштабе или останется просто «моментом» в истории мирового левого движения. Думаю, вместо того чтобы пытаться предсказывать или указывать будущее ВСФ, уместнее обсудить, какие действия будут целесообразными в среднесрочной перспективе.

Когда я говорю о двух противоположных лагерях в борьбе за определение результатов бифуркации, выражающих дух Давоса и дух Порту-Алегри, я имею в виду нечто вполне определенное. Давос, или Всемирный экономический форум, проводит встречи с 1971 года, то есть после мировой революции 1968 года. Он предназначен для того, чтобы собирать вместе элиту миросистемы — крупных предпринимателей, политических лидеров, представителей ведущих СМИ, политически сознательных знаменитостей и интеллектуалов истеблишмента. Это тоже открытый форум, и, особенно в последнее время, дебаты на нем были не менее острыми, чем на ВСФ. Главная цель Давоса состоит в том, чтобы сохранить мир иерархическим и неэгалитарным. И поскольку капитализм как система больше не спосо-

бен гарантировать эти принципы, наиболее проницательные из участников форума готовы задуматься об альтернативных системах. Но ни частное предпринимательство, ни экономический рост—эти единственные политические, экономические и культурные гарантии сохранения положения вышших страт миросистемы—не играют в них определяющей роли. Главная же цель Порту-Алегри полностью противоположна цели Давоса и воплощает в себе дух того, что мы могли бы назвать мировой левой.

Если мы хотим, чтобы мир был сравнительно равным и демократичным, то мы должны построить его или сделать вероятным его появление, подталкивая к большей демократизации и большему эгалитаризму. Рассмотрим каждое из этих понятий. Этимологически демократия означает «правление народа». Под народом понимается не какая-то определенная группа; он должен включать каждого. Но сегодня едва ли можно сказать, что принимаемые политические решения отражают волю каждого гражданина или даже большинства граждан. В лучшем случае мы имеем представительные парламентские системы, в которых избиратели (обычно составляющие почти все взрослое население) выбирают—через определенные интервалы времени—небольшую группу людей, принимающих решения, которые, по их мнению, являются предпочтительными с учетом того, что они могут быть переизбраны, для чего, как известно, им нужны, среди прочего, большие деньги.

Как это можно изменить? Очевидно, что немаловажную роль здесь должна сыграть организация тех, кто исторически был исключен из уравнения. И, конечно, за последние сорок лет в этом направлении сделано было немало—появились женские организации, организации энто-расовых и религиозных, сексуальных и возрастных меньшинств, а также коренного населения. В той степени, в какой такие группы выступают от своего имени и заставляют прислушиваться к своему мнению, это ослабляет существующие недемократические политические структуры, в которых мы живем. И это, в свою очередь, усиливает социально-психологическую решимость данных групп.

Но здесь есть очевидная опасность. Она состоит в том, что эти группы будут считать свои завоевания средством, открывающим для определенной группы доступ к высоким политическим постам, а не способом предоставить слово народу в целом. Кроме того, возникнет конкуренция между угнетенными, при которой каждая группа будет требовать, чтобы прислушались прежде всего к ней, хотя бы и за счет другого слабого меньшинства.

«Большинство» должно быть расширено и стать более открытым. Парадоксальным образом именно защита прав на социокультурную автономию (а также, возможно, политическую автономию) различных меньшинств способна на самом деле расширить большинство. И это возможно лишь в той степени, в какой члены всякого определенного меньшинства ставят под вопрос зачастую неясные и скрытые процедуры принятия решений своим собственным руководством.

Конечно, все это очень непросто, и здесь нас подстерегает множество подводных камней. Именно поэтому всякая вертикальная структура неизбежно

обречена на провал. Нужно, чтобы множество различных групп предпринимало множество различных действий на местах. Только так можно подорвать псевдолегитимацию существующей структуры. И в этом состоит главная заслуга Всемирного социального форума. Но, конечно, одного только этого форума явно недостаточно.

Эти группы борются за реалистическое определение прав—всех тех прав, которые закреплены во многих либеральных конституциях, действующих почти во всех странах, и которые постоянно игнорируются, нейтрализуются или открыто нарушаются законодательными собраниями, исполнительной властью и даже самими судами, призванными стоять на страже и следить за проведением в жизнь этих прав. Необходимо давление, более решительное требование исполнения всех тех прав, которые теоретически уже завоеваны. И еще давление, бескомпромиссное требование признания прав, пока не закрепленных в этих документах.

Конечно, это предполагает требование перераспределения. И здесь мы переходим к эгалитарной составляющей. За последние два столетия основные эгалитарные требования касались (1) образования, которое считалось путем к получению достойной и достаточно оплачиваемой работы; (2) медицинского обслуживания, под которым понималась защита, уход и лечение разного рода недугов; и (3) пожизненные гарантии дохода, то есть поддержание достойного уровня дохода от рождения до глубокой старости. Левые хотят, чтобы каждый человек получал больше, причем уже сейчас, и они выступают за другие социальные расходы.

Для достижения этой цели необходимо не просто перераспределение существующего богатства, но и изменение приоритетов в расходах. И здесь нужно предъявлять требования, касающиеся геополитики, мира и экологии—по всем этим направлениям имеются соответствующие движения. Но если эти движения не объединят свои требования с основополагающими эгалитарными устремлениями народных движений, от них не будет никакого прока.

И здесь мы подходим к важной переменной—идеологии роста, а не идеологии приемлемого и достаточного распределения. Необузданный рост—не решение наших проблем, а, возможно, их первопричина. И всесторонняя критика идеологии роста является важнейшим элементом реалистической организационной работы в среднесрочной перспективе.

Можно ли сделать что-то еще? Разумеется. Говоря в своей более ранней работе о возможной политической программе левых, я предложил в качестве тактики борьбу за выполнение либеральным центром своих же собственных теоретических допущений, за превращение антирасизма в определяющую черту демократии, а также за детоваризацию уже товаризованного и борьбу с товаризацией того, что традиционно считалось нетоваризуемым (вроде доступа к воде или воспроизводства человека)⁶. Здесь важны сильные

6 Подробнее об этом см.: Иммануил Валлерстайн, «Утопистика, или Исторические возможности XXI века», *Прогнозис*, 2006, №1 (5); Immanuel Wallerstein, «A Left Politics in a Time of Transition», *Monthly Review*, 2002, vol. 53, no. 8, p. 17–23.

организованные действия по этим направлениям. Даже если их и нельзя осуществить незамедлительно, это влияет на общую политическую среду и, следовательно, на баланс сил. Это позволяет направить бифуркацию в желательном для нас направлении.

Каждый день я узнаю о множестве других вещей, которые разные группы предлагают, осуществляют или по крайней мере пытаются осуществить. Организационное воображение множества низовых страт миросистемы весьма богато, если мы сами не пытаемся его задушить. Активисты не готовы прислушиваться к народу, который они считают пассивным и политически неграмотным. Но если мы разбудим спящего великана, он может оказаться весьма конструктивным спящим великаном.

Среднесрочная перспектива — это арена политической борьбы, классовой борьбы в верном понимании того, что представляют собой классы и классовая борьба. Классовый вопрос — это не просто вопрос занятости или богатства или вопрос формы вознаграждения за труд. Раса, гендер и этничность не существуют в отрыве от класса и не являются самостоятельными аналитическими сущностями. Раса, гендер и этничность — это неотъемлемые элементы сложного социального состава классов. И при таком понимании класса мы действительно имеем дело с классовой борьбой. Именно поэтому нет никакого политического смысла в том, чтобы структуры, вроде Всемирного социального форума, вступали в дискуссии и дебаты и шли на социальные компромиссы с участниками Всемирного экономического форума в Давосе. Мы не ищем здесь меньшего зла. Мы боремся за переход к иной миросистеме.

Итак, подытожу свои представления о том, что мы должны сделать для выработки левой политической программы. Мы должны определить долгосрочные цели в самом общем виде. У нас нет и не может быть четкого представления о соответствующих структурах лучшей миросистемы, которую мы хотим построить. И мы не должны делать вид, будто оно у нас есть. Это было одним из важных исторических достоинств Маркса. Он никогда не говорил о том, на что мог бы походить «коммунистический» мир в институциональном отношении.

В краткосрочной перспективе нужно постоянно помнить, что нам всегда приходится иметь дело с меньшим злом. И мы должны всегда быть готовы бороться за меньшее зло, как его понимает угнетенное население мира. В противном случае мы всегда будем иметь большее зло, это зло всегда существует. В краткосрочной перспективе всегда приходится вести оборонительную работу. Нужно сделать так, чтобы не стало хуже, сохранив при этом уже достигнутое.

Но самое важное: мы должны помнить, что в среднесрочной перспективе, в следующую четверть века, мы будем переживать время перехода. В этом переходе нас должно заботить не сохранение капиталистической системы, а ее замена. И мы должны работать над тем, чтобы двигаться к более демократичной и более эгалитарной миросистеме. Мы не можем построить такую систему в среднесрочной перспективе. Но мы можем вести деятель-

ность, способную склонить баланс сил в нашу сторону, вопреки усилиям более богатой, лучше организованной и намного менее порядочной группы — тех, кто желает сохранить и даже усилить еще один вариант иерархических, поляризованных систем, которые существовали прежде. И этой системой будет не капитализм, а нечто, гораздо худшее.

Наконец, нам нужно помнить, что исход борьбы в нынешнее хаотическое время вовсе не предопределен. Он будет зависеть от всей совокупности действий всех участников со всех сторон. Шансы на победу — 50 на 50. Кому-то может показаться, что это очень мало. Я же вижу здесь прекрасную возможность, которую мы не должны упустить.

Перевод с английского Артема Смирнова